

КАК ЭТО БЫЛО...

(О герценовских студентах 1940-х годов)

Леонид Крылов — студент

<...>Появился Леонид Крылов в студенческой аудитории при полном параде, еще в погонах с артиллерийскими эмблемами и в сапогах со шпорами. На нем была суконная куртка-венгерка, отороченная бараньим мехом. Он служил в полку конной артиллерии, и среди его офицеров прошла мода на такие венгерки. Полковые портные перешивали шинели, укорачивали полы и обшивали подол и борта меховой оторочкой. Для этого портили зимние овчинные полушубки <...>

<....>Появлению Крылова в аудитории предшествовал визит к директору института. Слово «ректор» в те послевоенные годы еще не вошло в обиход. Леонид получил у секретаря позволение войти в просторный директорский кабинет, подошел к столу, за которым сидел невысокий аккуратный человек. Подошел четким строевым шагом, позвякивая шпорами, приложил руку к козырьку фуражки и произнес по всем правилам строевого устава:

— Разрешите обратиться, товарищ директор.

И услышал:

— Зачем же так официально? Ведь вы теперь мобилизованный?

— Так точно.

— Садитесь, прошу. И что же привело вас к нам? Догадываюсь. Желание учиться в этих стенах.

— Так точно. Хотел бы поступить на исторический.

— Что же заставило вас выбрать профессию педагога?

— Это нетрудно объяснить. Как видите, я был офицером. А офицер — это не только специалист в своей военной области, но еще и учитель, воспитатель своих подчиненных. Я любил быть в этой роли — видишь нагляднее результаты своих усилий.

— Логично. Что ж? Против вашего поступления в наш институт у нас возражений нет.

* Лев Михайлович Демин — участник Великой Отечественной войны. С отличием окончил в 1949 г. исторический факультет ЛГПИ им. А. И. Герцена, затем аспирантуру по кафедре истории СССР, защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора В. Н. Бернадского. Учился в высшей дипломатической школе МИД СССР. В 1956 г. защитил диссертацию по истории Индонезии, стал дипломатом в этой стране, а позже — корреспондентом газеты «Правда». Итогом его журналистской и публицистической деятельности было принятие в Союз журналистов. Дальнейшая работа Льва Михайловича прошла в Институте востоковедения и Институте этнографии народов СССР. Он был профессором Московского государственного университета и Российского университета дружбы народов. Л. М. Демин — автор более 80 книг, в том числе «Семен Дежнев. Первопроходец», «Хабаров. Амурский землепроходец», «С мольбертом по земному шару. Мир глазами В. В. Верещагина» и многих других. Пока еще не опубликованный роман Льва Михайловича «Горькая любовь» стал последней его книгой (рукопись романа хранится в фонде музея Герценовского университета).

Предлагаем вниманию читателей отрывки из многопланового автобиографического романа Л. М. Демина «Горькая любовь», посвященного ленинградцам, реальным людям разных поколений. Автор сумел в художественной форме, сохраняя при этом документальную точность, представить события 1940–1950-х гг. и обстоятельства, которые вносили горечь и любовь в судьбу главного героя романа Леонида Крылова — самого автора.

В приведенных отрывках показаны страницы из жизни студентов Герценовского института 1940-х гг. в сложный послевоенный период. Фамилии реальных героев по этическим соображениям автором изменены, но для тех, кто знаком с историей университета, легко узнаваемы. Совершенно очевидно, что речь идет о хорошо известных сотрудниках и преподавателях ЛГПИ им. А. И. Герцена: директоре Ф. Ф. Головачеве, историках В. Н. Бернадском и В. В. Струве, педагогах Е. Я. Голанте и Н. Н. Петухове, заведующем клубом А. А. Ахаяне и других.

— Когда бы я мог сдавать вступительные экзамены?

— Никаких экзаменов. Для фронтовиков мы делаем послабления. И еще... Мы очень заинтересованы в приеме мужчин. На вашем историческом факультете на одного студента приходится, если не ошибаюсь, восемь девчат. На факультете русского языка и литературы процент мужчин и того меньше. Так что выбор невест у нас богатейший. Институт наш в шутку так и называют — «ярмарка невест».

— Когда могу приступить к занятиям?

— Да хоть сейчас. Распожусь, чтобы зачислили вас в число студентов. Есть ли у вас какие-нибудь особые научные интересы, пристрастия к определенной исторической проблеме?

— Можно сказать, что есть. Интересуюсь русскими первопроходцами, первооткрывателями, историей воссоединения Восточной Сибири и Дальнего Востока с Россией.

— Благодатная тема. Непочатый край для исследователя. Советую вам записаться в научный кружок, которым руководит профессор Бердников. Он у нас крупнейший специалист по истории Новгорода.

— Непременно воспользуюсь вашим советом.

— Вот вам записка для декана. Милая женщина. Занимается средневековой Францией. А со мной вы будете еще не раз встречаться. На старших курсах читаю новейшую историю западных стран.

Выходил Леонид от директора окрыленный, радостно возбужденный. Потом поймал себя на мысли, что забыл поблагодарить этого мягкого, доброжелательного и отменно интеллигентного человека. Какая непростительная оплошность!

Не мог тогда знать Леня Крылов, что пройдет всего каких-нибудь несколько лет, и директор педагогического института, превосходный педагог и ученый-историк, будет исключен из партии, изгнан из стен учебного заведения и закончит свою жизнь рядовым доцентом в одном захудалом провинциальном вузе. Ему будут предъявлены серьезные обвинения в духе времени. Одно из обвинений — как член пленума бюро горкома партии он постоянно общался с партийными руководителями города и не сигнализировал в центральный партийный орган об антипартийных настроениях и поступках Попкова, Кузнецова и иже с ними. Если директор пединститута и не был заодно с этими одиозными лицами, то проявил преступную потерю бдительности, вопиющую беспечность. Серьезное обвинение! И второе — директор допустил засорение института некачественными кадрами. Начались энергичная чистка кадров, партийные разбирательства, исключения из партии, выговора простые и строгие, увольнения с работы. Один из уволенных доцентов в пору ранней молодости, еще, кажется, не достигнув совершеннолетия, состоял в рядах анархистов. Анархия — мать порядка. Это казалось так оригинально, романтично. Потом будущий доцент осознал свои временные заблуждения и вел себя вполне благопристойно. Но грех-то молодости все-таки был! У другого не все благополучно оказалось с социальным происхождением. Сын священника, даже протоиерея, называл себя в анкете, чтобы смягчить биографический криминал, сыном псаломщика. А у третьего — нехороший пятый пункт и фамилия басурманская — Хамеляйнен. В Финляндии проживает его родня. Каково? Кто докажет, что среди Хамеляйненых не было зяблых шюцкоровцев? Вот такие неважные кадры развел в стенах своего института тихий на вид и интеллигентный директор.

Вся эта вакханалия была связана с пресловутым ленинградским делом, сфабрикованным в угоду Сталину. В чем был смысл физического уничтожения ленинградских руководителей, избияния многих представителей партийного актива, научной и творческой интеллигенции? А вот в чем. Надо было припугнуть ленинградцев, поставить их на место, отбить у них охоту возмечтать о превращении города на Неве в столицу Российской Федерации. От этих мечтаний, чего доброго, один шаг до противопоставления кичливого своими блокадными заслугами города старой матушке Москве, центральному руководству страны. А там, глядишь, заговорят во весь голос ленинградские руководители о необходимости смягчения, реформирования командно-автократичной системы, жесткой, суровой, но испытанной.

Не выдержит сердце доброго интеллигентного директора, к тому времени уже бывшего, оказавшегося на положении ссыльного в одном из северных городов. Умрет скоропостижно от сердечного приступа.

Но все это произойдет позже, через несколько лет. Пока же Леонид Крылов беседовал с пожилой деканшей, читавшей на факультете курс по раннему периоду средневекового Запада.

— Вы еще успеете на лекцию по истории Древнего Востока. Читает академик, ученый с мировым именем, — сказала она Леониду, прочитав записку директора. — У нас работает много переклассных ученых. Считайте, что вам повезло с педагогами.

Зазвенел звонок. В аудиторию вошел известный академик, седовласый, маститый, большеголовый. Он приветливо поздоровался с аудиторией и, не снимая шубы и шапки, повел речь о

древней Ассирии, о клинообразных письменах на глиняных табличках из библиотеки царя Ашшур-банипала. Академик был мерзляк. В аудитории было холодно, и большинство студентов предпочитало оставаться в верхней одежде. После военных лет и блокады институтские корпуса нуждались в капитальном ремонте. На полный ремонт не хватало средств. Многие выбитые стекла в окнах заменяли куски картона и фанеры. Не хватало и топлива, чтобы протопить все обширные помещения. В те послевоенные годы еще оставалось печное отопление.

После лекции староста курса, щупленький малорослый очкарик, пришедший в институт со школьной скамьи и похожий на несовершеннолетнего мальчонку, выкрикнул зычно:

— Товарищи, прошу не расходиться. Натаскаем дров. Становись цепочкой!

И этого очкарика, старосту-мальчонку, как ни странно, почти все послушались. Ушли только две-три матери малолетних детей. Цепочка протянулась от дверей аудитории, вдоль широкого коридора, лестницы, выползла во двор к поленнице дров. Начался дружный аврал, в котором принял участие и Леонид.

Так начиналась его студенческая жизнь. <...>

<...> Больше всего Леонида привлекали лекции по истории Древней Руси. Их читал известный историк, работавший и в Ленинградском университете, автор научных монографий о Киевском государстве, о Петре I. Его лекции были искрометной импровизацией, изобилующей яркими эпитетами, сравнениями, выразительными портретами исторических деятелей. Лектор читал увлеченно, азартно, хотя нередко нарушал последовательность изложения, повторялся, делал отступления. Это был как бы театр одного актера. И какой непревзойденный театр! Он не был педантичным методистом, раскладывая исторический материал по полочкам и по пунктам. Это был скорее набросок широкого исторического полотна, представавшего перед слушателем наглядно, зримо <...>

<...> Можно без преувеличения сказать, что тогдашнее послевоенное поколение студентов жило богатой духовной жизнью. И средоточием этой жизнью был студенческий клуб, в котором директорствовал немолодой уже армянин Асатурян. В годы блокады он стал политруком госпиталя, того самого, который размещался в институтских корпусах. Студенты шутили: «Институт без Асатуряна — это все равно, что Ленинград без Медного всадника». Айрапет Асатурович Асатурян, а в просторечии Андрей Андреевич, отличался деятельным характером, изобретательностью, он располагал широким кругом знакомств в писательском и артистическом мире города. При клубе работал студенческий театр, разные кружки, велись дискуссии, обсуждались новые книги. Среди кружков выделялось литературное объединение, которым руководил известный ленинградский поэт-фронтовик, сам выпускник института. Сюда тянулись все, кто пытался пробовать свои силы в поэзии, прозе, литературной критике. На сцене клуба постоянно выступали знаменитые артисты, литераторы. Особенно запала в памяти у Леонида встреча с народным артистом Николаем Константиновичем Симоновым, широко известным исполнением роли Петра I в театре и кино <...>

<...> Экзамены по основам марксизма, средневековой истории и истории СССР Крылов сдал успешно. По педагогике экзамен принимал маститый старый профессор, один из соавторов учебника. Основной курс по этому предмету читал доцент помоложе с изуродованным лицом. Он, как узнал впоследствии Леонид, сражался в партизанском отряде на Псковщине и в одной из стычек с карателями получил тяжелое лицевое ранение. Маститого профессора, соавтора учебника, привлекли только для чтения вводной лекции. В ней он, к слову сказать, упомянул о своей совместной работе в Наркомате просвещения с Надеждой Константиновной Крупской. Профессор имел обыкновение, выслушав на экзамене ответы на выпавшие вопросы, дополнительно спрашивать:

— А теперь расскажите мне, как вы претворяете в вашей педагогической практике все то, что только что рассказали мне.

— Простите, профессор... Но я не педагог, а ответственный секретарь редакции районной газеты, — ответил средних лет мужчина, экзаменовавшийся перед Леонидом.

— Вот и отлично, что вы ответственный секретарь. Газета, как и школа, тоже призвана воспитывать массы. Какую воспитательную роль играет ваша газета в районе?

Когда Леонид ответил на вопросы, указанные в билете, профессор спросил и его, как рассмотренные вопросы можно увязать с его собственной педагогической практикой.

— Моя педагогическая практика была специфична, — начал Крылов. — Я пришел в институт после службы в Советской армии. Командуя подразделением, я тоже выполнял работу педагога, воспитателя, обучал своих подчиненных, прививал им определенные навыки. У нас были свои трудности, отличные от трудностей школьного или институтского обучения. Это разношерстный образовательный уровень личного состава, слабое знание русского языка некоторыми представителями окраинных народов.

— Интересно, как вы преодолевали эти трудности?

— Преодолевали. Над слабыми, малограмотными брали шефство сильные, передовые. С некоторыми занимался дополнительно в индивидуальном порядке. Старательных поощряли благодарностями, отмечали в стенной газете.

— Разрешите, перебую вас. Один бывший фронтовик ответил на такой же вот вопрос: я, профессор, не был педагогом, а командовал минометной ротой. Я возразил ему: плохой из вас получился командир роты, если вы не считали себя педагогом. И сбавил ему балл. А вы, дорогой мой Крылов, правильно понимаете свою роль офицера-педагога и воспитателя. Вашим ответом вполне удовлетворен<...>

Леонид Крылов грызет науку

<...> В своей жизни Леониду Крылову не раз пришлось стать свидетелем крушения идолов. Был пятидесятый год. Газета «Правда» опубликовала выступление Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Вождь резко обвинял Марра в надуманных схемах, формализме, аракчеевских методах насаждения своего так называемого «нового учения» о языке, расправах с инакомыслящими учеными. В Герценовском институте в срочном порядке организовали научную конференцию, посвященную выступлению великого вождя всех народов. Крылов к тому времени занимался в аспирантуре, и его обязали непременно быть на конференции.

С основным докладом выступал заведующий кафедрой философии.

— Дорогие товарищи, мы имеем возможность в очередной раз убедиться в энциклопедическом круге интересов товарища Сталина, в глубине его аналитического мышления. Как вы видите, наш любимый вождь не обошел своим мудрым вниманием и такую науку, как языкознание, — такими словами, произнесенными с высоким пафосом, начал философ свое выступление.

Далее докладчик остановился на критике товарищем Сталиным покойного академика, надуманных, формалистических построений Марра, применимых к развитию всех языков, его нетерпимого отношения к научным взглядам коллег, аракчеевщины <...>

<...> Конференция закрылась, и ее участники стали растекаться по лабиринту коридоров Герценовки. Крылов нагнал своего научного руководителя, профессора Бердникова и спросил:

— Неужели Марр был лжеученый?

— Нет, конечно. Его научные взгляды были противоречивы, неоднозначны. Он внес, бесспорно, ценный вклад в конкретное изучение кавказских языков. Но, стремясь дать некие закономерности общего языкового развития человечества, маститый академик высказал много надуманного, формалистического. Так что товарищ Сталин в своей критике был прав. Но меня беспокоит другое. Если будешь молиться слишком рьяно, можно и лоб расшибить.

— Вы говорите иносказательно, профессор. И я не совсем вас понимаю.

— Можно выплеснуть из купели вместе с застоявшейся водой и живого младенца. Как бы не перечеркнули, критикуя бесспорные ошибки Марра, и его достижения. Как бы не встали на путь огульного избиения его учеников и последователей. Не поддавайтесь, Крылов, нашей национальной болезни шараханья в крайности.

Эта научная конференция и этот разговор Леонида с профессором Бердниковым происходили в пятидесятом году, вскоре после опубликования сталинской работы «Марксизм и вопросы языкознания». А до этого громили вейсманистов и морганистов в биологии, и торжествовал близкий к Сталину академик Трофим Денисович Лысенко, которого много лет спустя назовут проходимцем от науки. А еще избивали космополитов, главным образом писателей и литературоведов. Их обвиняли в слепом преклонении перед иностранщиной, тогда как партия ждала от этих самых писателей и литературоведов осуждения растленного буржуазного образа жизни Запада и восхищения советским социалистическим строем. Сумбурное было время, беспокойное. Летели головы, как на войне <...>

Леонид поступает в аспирантуру

<...> Еще накануне выпускных экзаменов Леонида Крылова пригласили к проректору по науке, профессору-психологу Шарапову.

— Какие ваши планы на будущее, Крылов? — спросил его проректор.

— Хотелось бы поступить в аспирантуру на кафедру профессора Бердникова и заниматься русской историей семнадцатого века.

— Виталий Арсентьевич рекомендовал вас с самой положительной стороны, показывал ваши студенческие работы. Последнюю — «Новгородский след в топонимике Северной Руси» — постараемся опубликовать в Ученых записках.

— Буду вам признателен.

— У нас нет возражений против вашего поступления в аспирантуру. Желаю успеха<...>

— <...> Еще вчера я почувствовал что-то неладное, — вмешался в разговор Федя. — Зашел к Валентине Алексеевне за моим рефератом. Спрашиваю, когда примете у меня экзамен. Валенти-

на Алексеевна отвечает как-то вяло, безучастно — пока не знаю. Вам сообщат. Полистал дома свой реферат и вижу — в разделе библиографии тщательно вырезана первая страничка. А на ней после сталинских работ упомянута книга Николая Алексеевича о военной экономике.

— Арестован Вознесенский, — пояснил Филимонов. — Враг народа, говорят. Все враги народа у нас плохо кончают.

— Сообщений печати об этом не было, — возразил Крылов.

— Не все грустные новости попадают в печать. Неясно, как сложится судьба родных Николая Алексеевича: сестер, брата, университетского ректора. Не позавидуешь им, беднягам.

Леонид вспомнил, что у Вознесенского, ставшего теперь опальной фигурой, кроме сестры Валентины Алексеевны, была еще другая сестра, Мара Алексеевна, видный партийный работник, секретарь одного из райкомов партии в Ленинграде. И был еще брат, видный экономист, ректор Ленинградского государственного университета. Забегая вперед, скажем, что Николай Алексеевич, бывший председатель Госплана и один из заместителей главы правительства, был расстрелян по нелепому обвинению. В Советской исторической энциклопедии мы можем прочитать, что провокационное обвинение было сфабриковано Лаврентием Берия при содействии Маленкова по так называемому «ленинградскому делу» с санкции Сталина. Из всей семьи Вознесенских уцелела только Валентина Алексеевна, уволенная из института, исключенная из партии. Другая сестра и брат-ректор погибли.

— Что я, по-вашему, должен делать? — с отчаянием в голосе воскликнул Векшин.

— Только ждать. Больше я вам ничего не могу посоветовать, — сочувственно ответил Филимонов.

— Но я сижу без денег, без работы. Дайте мне направление в школу на общих основаниях.

— Увы... Учебный год в школах начался. Все городские школы учителями-историками укомплектованы.

— Значит, ничем не поможете?

— Я этого не сказал. Зайдите ко мне через недельку. За это время что-нибудь придумаем.

Толстяк Филимонов казался забавным и неуклюжим человеком. Но по существу это был усердный и расторопный чиновник, по натуре добрый и отзывчивый. Он помог Векшину, порекомендовав его в училище Министерства внутренних дел на должность начальника кабинета социальных дисциплин. Начальник кабинета! Это звучало громко. А по существу Федя выполнял секретарские и технические обязанности лаборанта. Но вот уволили за какие-то анкетные огрехи преподавателя всеобщей истории, и Векшину предложили читать лекции по этому предмету. Всё складывалось у Федора Векшина не так уж и плохо. Леонид раза два встречал его в военной форме с погонами старшего лейтенанта и в малиновой фуражке, бравого и, по всей видимости, довольного собой.

В институтском коридоре Крылов встретил Пошехонова, какого-то тусклого, невыразительно-го, словно мышонка, норовившего поскорее забиться в свою щель. Обменялись сдержанными приветствиями. Леонид не любил Пошехонова и заходил к нему только вынужденно, в случае вызова. Но на этот раз сам обратился к нему.

— Что же происходит в наших верхах?

Пошехонов предостерегающе приложил палец к губам и сказал шепотом:

— О таких вещах вслух и принародно не рассуждают. Зайдем ко мне, если хочешь узнать, что происходит.

Они зашли в узенький кабинет-пенал.

— А происходит, мой дорогой, очередное кровопускание в Кремле. Пора бы к этому привыкнуть, — пояснил Пошехонов, располагаясь в кресле и приглашая Крылова сесть на стул.

— Легко сказать, привыкнуть. Мы привыкли считать Вознесенского интеллигентным руководителем, теоретиком. Изучали его книгу...

— Не по чину замахнулся этот теоретик. В нашем государстве должна быть одна голова, один мыслитель, один творец науки. Хозяин не любит тех, кто оспаривает словом или делом эту истину. Все не так просто. Раскручивается ленинградское дело. Скоро многое узнаешь, Крылов.

— О каком ленинградском деле вы говорите?

— Сам не знаю всей его подоплеки. Но чутьем своим чую — будет кровавая баня. Полетят головы.

— С какой стати?

— Видишь ли, Крылов... Кремлевскому хозяину представляется, что ленинградская партийная организация противопоставляет себя центру. Слишком, мол, кичатся ленинградцы своими блокадными заслугами, толкуют о какой-то ленинградской исключительности. Идут разговорчики — а не плохо бы, братцы, сделать Питер столицей Российской Федерации. Хозяин воспринял это как

сепаратизм, вызов Москве. Чует мое сердце — полетят головы. Много голов. Начнется массовая чистка. Коснется она и нашего института.

— Но во имя чего?

— Хотя бы для профилактики. Мы любим проводить всякие кампании с размахом. Кстати, присмотришься к твоему Бердникову. Он, к твоему сведению, в семнадцатом году примыкал к какому-то уклону, недолго. И два месяца находился на территории, оккупированной белогвардейцами.

— Бердников — святой человек. Кроме науки его ничто не интересует.

— Святые в наше время не котируются. Чую, прибавится работенка и мне, и нашим кадровикам, и Большому дому на Литейном.

— Какая судьба ожидает Валентину Алексеевну?

— Проект приказа о ее увольнении я видел. Формулировка такая: «Освободить от занимаемой должности как не утвержденную в установленном порядке». Категорично и расплывчато — на все случаи жизни. Партком будет ее разбирать и, вероятно, исключит из партии. Все же родная сестра врага народа. Такая же участь постигнет, вероятно, и нашего директора.

— Его-то за что? Милейший, интеллигентнейший человек. Отличный лектор.

— Вот именно! Милейший ко всякой нечисти. Засорил институт не теми людьми, которым здесь место.

Прощаясь с Крыловым, Пошехонов испытующе посмотрел ему в глаза и сказал с грустными нотками в голосе:

— В сложное время мы живем. Я простой смертный, никакой не сверхчеловек. Многое мне непонятно и в этом пресловутом ленинградском деле, и многое другое. Мой тебе добрый совет, Крылов. Будь осмотрителен. Взвешивай каждый свой шаг, каждое свое слово. Это тебе не повредит.

Выйдя из узенького кабинета-пенала в широкий институтский коридор, Крылов подумал, что этот бумажный крючкотвор не так глуп и прост, как кажется сперва. Кто же он на самом деле, этот Пошехонов, загадочный и скользкий? Думающий и мечущийся, в котором всё душевное и человеческое еще не выветрилось, искренний в беседе с Леонидом? Или великий хитрец, человек Зубарева, который искусно заигрывал с Крыловым, представлялся таким откровенным, даже болтливым простачком, чтобы потом втянуть его в какую-то игру? Кто знает? Чужая душа, как говорят, потемки <...>

Дела институтские

<...> Первый аспирантский год был для Леонида Крылова каким-то сумбурным, беспокойным. Тревожные события мелькали как в пестром калейдоскопе. Газеты приносили горькие новости, называли имена все новых и новых жертв. Раскручивалось ленинградское дело. Шло повальное избиение городских партийных кадров. Сообщали об отстранении от должности ведущих партийных руководителей города и области: Кузнецова, Попкова, Капустина и других. Все они погибли в сталинских застенках в конце 1949 г. Все погибшие были организаторами героической обороны Ленинграда в период голодной блокады. Среди них особенно выделялся Алексей Александрович Кузнецов, молодой и энергичный, пользовавшийся среди ленинградцев огромным авторитетом. К моменту гибели ему еще не было и сорока пяти лет. Будучи членом военного совета Ленинградского фронта, Кузнецов был удостоен высокого воинского звания генерал-лейтенанта. После войны Алексей Александрович стал первым секретарем ленинградского обкома и горкома партии. А в 1946 г. — одним из секретарей ЦК КПСС.

Крылову довелось услышать высказывание одного старого партийца касательно личности Кузнецова:

— Молод, способен и с добротными боевыми заслугами. Хорошая смена растет хозяину.

А когда Леонид поделился услышанным с Бердниковым, тот покачал головой и сказал:

— Молод, способен и с боевыми заслугами — это палка о двух концах. Слишком резво шагает Алеша, слишком большой авторитет завоевал у питерцев. А усатый хозяин ревнив к чужой славе.

— Что вы хотите этим сказать, Виталий Арсентьевич?

— По острию ножа шагает Алеша — вот что я хотел сказать.

Петр Сергеевич Попков в годы войны работал председателем ленинградского городского совета и также активно участвовал в организации обороны города. В 1946 году он сменил Кузнецова на посту первого секретаря обкома и горкома партии, когда Алексей Александрович перевелся в центральный партийный аппарат.

После ареста ленинградского партийного руководства первым секретарем в Ленинград прислали одного из провинциальных партийных работников, человека безликого, трусливого и угодливого перед Москвой. Он усердно старался довершить разгром партийной организации города, как это было угодно Сталину и его окружению.

Закрыли прекрасный Музей обороны Ленинграда, размещавшийся на набережной Фонтанки в Соляном городке. Здесь была собрана богатая коллекция немецкой трофейной техники, захва-

ченной советскими войсками при разгроме вражеских сил под стенами города. Много было в музее интересных материалов, посвященных героям-защитникам Ленинграда. Леонид с друзьями-однокурсниками не раз посещали музейное здание и бродили по его обширным залам, восхищаясь этим памятником подвигу ленинградцев. Закрытие прекрасного музея вызывало недоумение.

Ленинградскому делу было посвящено специальное партийное собрание. В качестве основного докладчика выступал заведующий кафедрой философии, доцент Кашин, претендующий на роль главного институтского идеолога. Он умел выступать эмоционально, с пафосом, выражая негодование, призывая аудиторию заклеить носителей чуждой нам идеологии. Так, он был главным докладчиком, когда клеймили последователей академика Марра и оценивали как величайший вклад в науку сталинское выступление по вопросам языкознания. Философ Кашин гневно клеймил космополитов, когда развернулась кампания против них, а затем объектом его страстной критики стали вейсманисты-морганисты, которым противопоставлялся принципиальный партийный ученый Трофим Денисович Лысенко. И вот теперь философ Кашин вновь вещал с трибуны партийного собрания хорошо поставленным голосом.

Ленинградская партийная организация превратилась по существу в антипартийную оппозиционную группу, в которую вошел и Николай Вознесенский, бывший ленинградец. Группа встала на позиции местничества, сепаратизма, противопоставила себя центральному партийному и советскому руководству. Участники группы всячески старались раздуть свои заслуги в обороне блокадного города, толковали об ленинградской исключительности с определенной целью. Цель эта состояла в том, чтобы умалить значение высшего партийного руководства страны, верховного военного командования и лично нашего вождя, товарища Сталина, любимого всем народом. Большая вина ложится на все высшее и среднее звено ленинградского партийного аппарата, членов пленума горкома и обкома партии. Все они видели неправильную, антипартийную линию поведения ленинградских руководителей и ничего не сделали, чтобы предотвратить ее, поправить и осудить оппозиционеров. Притупление бдительности, беспринципное разгильдяйство, кумовство характеризуют всех этих людей. За это многим и многим придется горько расплачиваться. Не избежал подобных ошибок или оплошностей и наш уважаемый директор института, кстати, член пленума горкома партии. Поэтому он близок к антипартийной, оппозиционной группе и никак не реагировал на ее преступные действия. Кроме того, он допустил засорение института людьми с сомнительными анкетами.

Таково было основное содержание доклада философа Кашина. Худой, долговязый, с узким продолговатым лицом и длинными космами седеющих волос, докладчик хорошо поставленным голосом лектора бросал в зал свои страстные обвинительные реплики. Его наполненная пафосом речь производила на аудиторию гнетущее впечатление. Все жалели директора института, интеллигентного и доброго человека, над которым сгущались тучи.

Вопросов Кашину задавали много.

— Какая судьба ожидает Кузнецова, Попкова и других названных вами лиц?

— С антипартийными элементами мы вправе поступить сурово, по справедливости, — отвечал докладчик.

— Институт ожидает чистка?

— Избавимся от тех, кто того заслуживает.

— Почему закрыли Музей обороны Ленинграда?

Этот вопрос задал Крылов, направив в президиум собрания записку.

— Вопрос по существу, — произнес Кашин, зачитав записку. — Музей временно закрыт, потому что в центре его внимания оказалась не героическая оборона города, а возвеличение Кузнецова и Попкова. Получился этаким мемориальный музей ленинградских лидеров. Вероятно, все бывали в доме на Фонтанке, и первое, что вам бросалось в глаза, — огромные портреты вышеуказанных лиц. А где, я вас спрашиваю, показана роль Центрального комитета партии, Генерального секретаря и Верховного главнокомандующего?

На следующий день после этого злополучного собрания Крылов встречался с Бердниковым. Они обменялись впечатлениями. Виталий Арсентьевич откровенно не любил главного идеолога института и в узком кругу называл его шаманом.

— Как думаете, верит ли сам Кашин в то, что говорит? — спросил Леонид профессора.

— Спросите что-нибудь полегче. Ведь неглупый человек этот философ. Защитил неплохую кандидатскую диссертацию об исторических концепциях Покровского. Очень убедительно показал, что Михаил Николаевич Покровский в своих трудах выхолащивал живую историю, подменял ее голыми социологическими схемами. Я полагаю, что, претендуя на роль главного институтского идеолога, Кашин стремится быть более правоверным, чем сам Господь Бог.

— А, может быть, он придерживался тезисов, подсказанных ему Смольным?

— Все возможно, Крылов. А ответ на ваш вопрос насчет музея был явно неубедительным. Почему бы не быть в музейном зале портретам Кузнецова и Попкова, если они находились в числе руководителей обороны города? Кстати, это были не единственные портреты в музейной экспозиции. Помнится, на самом видном месте там можно было увидеть и Жданова, и Сталина. Утверждение шамана о том, что музей не показал роль Генерального секретаря и Верховного главнокомандующего — явная передержка.

— А, может быть, обвинение ленинградских руководителей в местничестве, сепаратизме — это только предлог, чтобы избавиться от людей, которые могли кому-то мешать?

— Боюсь, что это так, Крылов. Будем реалистами. Сталин уже стар, говорят — болен. Вероятно, его соратники задаются вопросами: а что же дальше, в чьи руки перейдет лидерство, каков будет после Сталина политический курс. Прежний жесткий авторитетный курс или некое послабление, либерализация? Вряд ли старшее поколение сталинской гвардии — Молотов, Каганович, Ворошилов — способны к коренным политическим переменам, к усвоению новых идей. Такие идеи, скорее, могут вызывать у более молодых лидеров. На этой почве, допускаю, в кремлевских верхах идет подспудная борьба группировок, прикрытая внешним благополучным единством. Разгром ленинградской группировки — одно из проявлений этой борьбы. Уверен, что на этом дело не кончится.

— Избиение ленинградских партийных кадров продолжалось и ширилось. Каждый раз, проходя по коридору административного корпуса, Леонид останавливался перед доской объявлений и видел длинные списки уволенных профессоров, доцентов, ассистентов, технических сотрудников с обычной формулировкой «как не утвержденных в установленном порядке». Одной из первых в списке оказалась Валентина Алексеевна Вознесенская <...>

<...> Нельзя сказать, что проводимая в институте по указанию сверху чистка не вызывала сопротивления коллектива, а жертвы чистки не вызвали сочувствия. Выходка Саши Ефименко не была единственным тому примером. Несколько членов парткома не проголосовали за исключение бывшего директора из партии. При перевыборах институтского парткома забаллотировали Сократова. Не прошел он и в члены факультетского партбюро, а Ученый совет не утвердил его в должности старшего преподавателя. Крикливого и воинствующего ортодокса-сталинца в институте откровенно не любили, называли волкодавом. Пришлось посрамленному Сократову уйти из института в отдел критики толстого литературного журнала. Вскоре он не ужился и с редколлегией журнала и уехал куда-то в провинцию.

Отголоски пресловутого ленинградского дела давали о себе знать еще долго. Продолжались увольнения, партийные разбирательства. Потом принялись за недобитых ранее вейсманистов и морганистов. Славословили ходившего в большом фаворе партийного академика Трофима Денисовича Лысенко. В институте особенно пострадали от разгрома социальные кафедры. Не хватало лекторов по философии, основам марксизма-ленинизма, политэкономии. Приходилось поручать чтение лекций малоопытным аспирантам-второкурсникам <...>

Умер Сталин. Перемены в руководстве страной

<...> Умер Сталин.

Репродукторы доносили скорбные звуки траурных мелодий. У уличных репродукторов толпился народ. Всхлипывали женщины. Сдерживали набежавшие слезы мужчины. Звуки траурных мелодий сменялись словами диктора Левитана. Люди вслушивались в его слова, стараясь не проронить ни одного слова.

Диктор вещал о новых назначениях в государственном и партийном руководстве <...>

<...> На следующий день в большом колонном зале института было не протолкнуться. Не оставалось ни одного свободного кресла, люди стояли в проходах, плотной массой заполняли ложи, балкон. Посреди сцены был установлен большой портрет Сталина в траурном обрамлении.

Открыл митинг директор института, предоставивший слово заведующему кафедрой философии Кашину, неизменному оратору на всех торжественных митингах и собраниях.

Говорил Кашин с пафосом, хорошо поставленным голосом прирожденного оратора. Его пространственный доклад можно было разделить на большие разделы: Сталин — продолжатель дела Ленина, строитель коммунизма; Сталин — великий полководец; огромный вклад, внесенный Сталиным в развитие общественных наук. Свое выступление докладчик закончил патетическим возгласом: «Какое сердце биться перестало!» Свой возглас Кашин повторил дважды и еще прибавил проникновенно: «Будем же следовать заветам великого вождя! Не посрамям его наследия!»

Поскольку митинг был траурным, аплодисментов не последовало.

Когда траурные мероприятия в Москве закончились и останки покойного вождя поместили в Мавзолей на Красной площади рядом с ленинскими останками, Вадим Неделкин и Федя Векшин возвратились из столицы в Ленинград. Оба навестили Леонида Крылова и поделились московскими впечатлениями.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Несмотря на мобилизацию крупных сил милиции и регулярных войск для поддержки порядка на улицах Москвы, совладать со стихией огромной толпы было трудно. Люди рвались к Колонному залу Дома Советов, где было выставлено для прощания тело покойного вождя. Толпа старалась преодолеть заграждение из грузовиков, прорваться через ограждения охраны. Наиболее прыткие лезли под грузовики, перегораживающие улицы, искали обходные пути через проходные дворы, чтобы обойти заграждения. В некоторых местах образовывались давки, не обходилось без жертв. Результатами этих давок были выдавленные витрины магазинов, порванная одежда и раздавленные и затоптанные толпой люди. Нигде, ни в каких публикациях общее количество жертв в дни прощания с вождем не называлось. Но жертвы были немалые. <...>

*Подготовка текста к печати Е. М. Колосовой,
директора музея университета*